

Гог и Магог: в чем разница

И в России, и в США мы наблюдаем фольклорно-патриотическую контрреволюцию, главный враг которой — гуманистические ценности

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

12:48, 8 апреля 2025,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Главные мировые события напоминают сейчас инсталляцию, которую на наших глазах делает убежденный революционер-постмодернист. И у него крайне плохо как со вкусом, так и с чувством перспективы. Еще хуже — с идеями и смыслами. Но он абсолютно увлечен своим делом, и останавливаться не хочет.

Впечатление такое, что этот создатель взялся полностью извести своим произведением все, что составляло ценность для классической культуры: просвещение, эмпатию, этику...

Мы уже давно привыкли видеть, как подобная инсталляция делается на просторах РФ. Хотя привычка несколько не уменьшила удивления перед новыми фазами процесса: что, оказывается, можно еще и так? Но теперь процесс перекинулся туда, где прежде мы полагали самый устойчивый центр если не просвещения, то уж наверняка интернациональной эмпатии и правовой этики. Теперь инсталляция делается в USA. Инсталляция как регрессивная революция.

Сегодняшних регрессистов в РФ и USA очевидным образом объединяют несколько ключевых позиций:

- Отрицание идеи глобальной цивилизации под руководством универсальных гуманистических принципов.
- Абсолютный скепсис насчет гуманистических принципов и замена их методами реал-политик.
- Подчинение правящим политическим элитам государственных и законодательных институтов; отождествление государства с верховной исполнительной властью.
- Подчинение прав и свобод человека принципу «государственного интереса», за которым стоит интерес правящих политических элит.
- Отрицание приоритета международного права и институтов над правом и институтами суверенно-национальными, т.е.

находящимися под прямой властью известных элит.

С другой стороны, интересны и различия между тем, как совершается постмодернистская регрессивная революция в РФ и USA.

* * *

В российском случае мы видим тяжеловесный, «опричинный» стиль с ориентиром на времена средневекового Московского царства эпохи «собирания земель», с жестоким подавлением мятежных мыслей и абсолютной самодержавной централизацией всего.

Фото: Юлия Морозова / ТАСС

В случае USA перед нами разворачивается феерическое шоу, карнавал своего рода феодалов-суверенов, поднявших восстание против институтов государства и цивилизации. Здесь нет, как в РФ, такого единого центра, из которого управляется

весь процесс. Несмотря на объединяющую всех фигуру президента Трампа, мотивы и социальный состав у «восставших» резко неоднородны: либертарианцы-анархисты соседствуют с христианами-фундаменталистами, а также с «темным просвещением» неореакционеров. Эксперты видят в данном разнообразии почти что гарантию того, что уже вскоре лагерь Трампа посетят неизбежные внутренние конфронтации. И конечно, все это существенно разнится с той иерархической монолитностью РФ, где любая представленная в официальном поле политическая партия, лояльная к существующему строю, отличается от любой другой подобной партии только названием.

В общем, американский вариант больше напоминает ту «классическую» версию постмодернизма, о которой в конце XX века так много говорили Франсуа Лиотар, Ихаб Хассан, Олвин Тоффлер, Жан Бодрийар: хаотическая многополярность, персоналистический нарциссизм, всепроникающий технократизм, гуманистический скепсис, гипермобилизация экономики. Российский же вариант включает в себя почти все перечисленное — кроме многополярности. Вместо нее он создает единое фольклорно-патриотическое представление, которое должно намертво закрепить сложившееся положение вещей в головах у подданных. Фольклорно-патриотический постмодернизм.

* * *

Что касается идеологии регрессивной революции, то здесь разница между РФ и USA также весьма заметна.

В российской версии главное внимание уделяется пространственному, географическому, геополитическому аспекту. Речь постоянно идет о войне с «коллективным Западом», о противостоянии «коллективного Юга с коллективным Севером», о восстановлении «исторической

справедливости. Можно вспомнить и дугинскую версию перманентного конфликта между «цивилизацией Суши» и «цивилизацией Моря».

В общем, это и неудивительно, ибо

вся динамика российской истории, что царско-самодержавного, что советского периода, основывалась на географическом, горизонтальном расширении, на плоскостной экспансии, что и привело в итоге к приватизации столь огромных территорий.

Собственно, самое главное в наиболее расхожей версии российской идентичности связано не с каким-то внутренним содержанием, не с идеями и не с религией — но именно с географическим масштабом. Содержательная, идейная часть идентичности всегда была самым слабым российским местом, как будто циклопический объем удерживаемого пространства подавлял и вытеснял все остальное. Как писал Николай Бердяев: «Русский человек пал жертвой необъятности своей земли».

Обладание пространством сакрализировывалось, наделялось особым интимно-духовным значением — вне зависимости от того, что на нем происходило и какой ценой оно было приобретено. Подобное отношение характерно как для российских властей, так и для их подданных. Именно потому и присоединение Крыма в 2014 году произвело между ними такой сильный консенсус.

Возврат пространства и влияние на отдаленных территориях — в Африке, на Ближнем Востоке и даже в самой сердцевине

Европы путем активной поддержки определенных политических сил. Это и есть ведущая идеология сегодняшней российской регрессии. И, разумеется, абсолютный контроль территорий уже подвластных, — в этой логике невозможно представить ни настоящей внутренней автономии, ни самоуправления, ни бесцензурных выборов на местах.

В общем-то идеология, по сути, исключительно горизонтальная, плоскостная, формально-географическая. Чем эта география будет потом заполнена, не представляет здесь слишком большого интереса. Разговоры о «духовных традициях», о православии — не несут существенной смысловой нагрузки. Здесь в принципе вообще нет смысловой нагрузки — кроме лишь безусловного требования соблюдать лояльность. Но это и не относится к области смыслов.

Фото: Zuma \ TASS

* * *

Иную картину представляет американское «восстание». Да, некоторое сходство с российской географической повесткой все

же есть — претензии на Гренландию, Панамский канал, Канаду. Однако заявления президента Трампа в этом направлении выглядят пока что больше как безумные гротески, чем как прямые ультиматумы. Или напоминают отвлекающий маневр.

Главное же, чем особенно выделяется идеология сегодняшней правящей элиты USA, — это заявка на создание «новой реальности» безо всех основных цивилизационных и гуманистических ценностей.

Да, в современной властной системе РФ эти ценности де-факто тоже равны нулю — однако напрямую никто не скажет о ничтожности принципов демократии, социальной справедливости или человеческого сочувствия. Напротив, с унаследованным издревле «византийским лицемерием» здесь только и говорят о том, что все это «у нас» в лучшем виде представлено. Но американцы говорят прямо, цинично, без околичностей. Так, что можно разбирать на цитаты.

* * *

За основу подойдут наиболее философско ориентированные представления Питера Тилля, соучредителя Facebook* и Palantir Technologies, одного из главных представителей Кремниевой долины и убежденного консервативного либертарианца. Некоторые считают его своего рода идейным наставником таких ведущих сегодняшних фигур, как Илон Маск, Марк Цукерберг и вице-президент от республиканской партии Джеймс Дэвид Вэнс.

Идеи Питера Тилля оформились еще в нулевые годы, когда он выпустил свое стратегическое эссе «Момент Штрауса», где

говорит примерно так:

- *«Риторика о свободе слова, мира без границ, гражданских правах больше не работает, как и вся идеология либерализма».*

По сути, он говорит о том, что весь многовековой проект западной антично-христианской цивилизации перестал работать. Этот проект закончился. Прежде ставка философов и гуманистов делалась на то, что человек есть носитель разумного начала и способен преобразовать реальность в соответствии с этим — такова его природа и предназначение. Сегодня же люди верят в силу воли и случая, но больше не доверяют силе интеллекта, разума и рациональности.

- *«Вопрос о человеческой природе закрыт. Мы больше не верим в способность людей обдумывать проблемы».*

Питер Тилль полагает, что последний рубеж рациональной картины мира был преодолен в 1989 году, когда пала Берлинская стена и распался Советский Союз. Тогда еще жила надежда на то, что мир станет глобальным, демократическим и открытым. Об этом говорили тогда ведущие лидеры мнений: Карл Поппер в «Открытом обществе и его врагах» и Френсис Фукуяма в «Конце истории».

Но история показала другое. Лидеры Китая и других стран Восточной Азии не поверили, что открытость решит их проблемы. Вместо этого они извлекли из этих событий противоположные уроки: если слишком сильно всё открывать, то всё развалится. Они остались при своих автократиях и тоталитарных режимах — но при этом достигли феноменальных успехов в технологическом и экономическом росте. Явление «азиатского пути», «азиатского чуда».

Питер Тилль, по сути, ориентируется в своей политической

философии именно на «азиатский путь». Сильное лидерство, никакой демократической и гуманистической сентиментальности — вот путь прогресса. На этом построена его критика современных американских и европейских элит: вместо того чтобы заниматься построением великого технократического будущего, демократы отвлекают людей бесполезной «зеленой идеологией» и совершенно отвлеченными проблемами, такими как гендерное неравенство и права меньшинств. А Голливуд снимает фильмы, пронизанные технофобией и страхом перед будущим. В общем, идеи либерально-демократического дискурса являются очевидным препятствием. И Питер Тилль призывает:

- *«Нам следует пробудиться от того очень долгого периода спячки и амнезии, который так ошибочно называют Просвещением».*

* * *

То, что в виде концепций излагает Питер Тилль, — с неудержимой энергией применяется сегодня новой американской администрацией. Война с гуманизмом в политике. Война с Просвещением.

Питер Тилль. Фото: AP / TASS

Например, закрытие агентства USAID, которое кормило голодных и заботилось о больных по заброшенным местам третьего мира. Например, замораживание и сокращение финансирования исследований и клинических испытаний в области рака, что неизбежно приведет множество больных с четвертой стадией заболевания к преждевременной смерти. Или намерение старшего советника президента USA Илона Маска разом сократить около 80 000 работников здравоохранения.

Следует вспомнить известное публичное заявление Илона Маска:

- *«Фундаментальная слабость и ошибка западной цивилизации — это эмпатия».*

В таком контексте все упомянутые закрытия и сокращения есть не что иное, как прямая война с эмпатией. Война с сочувствием.

Что же касается некогда главной стратегии «лидера свободного мира», которым еще недавно считалось USA, — т.е. идейной борьбы за гражданские и политические права людей там, где они подавлялись, борьбы за освобождение политзаключенных, — то сегодня на глазах закрывается и эта страница. Прекращено финансирование «Голоса Америки», «Радио Свобода»** и «Радио Свободная Азия», которое работало в Китае, КНДР, Мьянме, Камбодже. Журналисты и аналитики получили письмо о бессрочном отпуске. По инициативе старшего советника президента Илона Маска и с его комментарием:

- *«Сумасшедшие левые радикалы, которые разговаривают сами с собой и сжигают миллиард долларов в год из карманов американских налогоплательщиков».*

* * *

В общем, «новая реальность» пришла в западный мир неожиданно и радикально. И пока что никто из экспертов не может предположить, возникнет ли данным переменам какая-то альтернатива. Какое-либо сопротивление. Да, в отличие от РФ, здесь не объявляют несогласных «иноагентами», «экстремистами» и не раздают им безумных тюремных сроков. Пока что. Однако один из депутатов Европарламента уже потребовал от Америки вернуть французам статую Свободы:

- *«Вашингтон больше не олицетворяет те идеи и ценности, за которые Париж сделал им этот подарок».*

Метафорическое требование, конечно. Но вполне показательное.

* * *

И еще об одной метафоре, которая, несмотря на различия, позволит видеть в регрессивных революциях РФ и USA один и

тот же почерк. Это метафора из русской классической литературы, из романа Федора Достоевского «Бесы». Речь о так называемой «шигалевщине» — проекте социально-политического устройства, который в тексте романа представляет один «зловещего впечатления» персонаж с «ушами неестественной величины» — некто Шигалева. О сути своего проекта автор его говорит так:

- *«Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом».*

Впрочем, вот эта суть в изложении других романских персонажей:

- *«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса, — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Меры, предлагаемые автором для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений, — весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны».*

(Ф.М. Достоевский «Бесы»)

* * *

Да, пути, по которым сейчас идет восстание против цивилизации, — различны. Но эффект, к которому они ведут, вполне узнаваем и схож в различных частях света. И кажется, «Бесы» описывают его вполне корректно.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Восстание против справедливости](#)

Чем либералы схожи с автократами. Заметки по поводу речи президента Аргентины Милея, что высказал идею «минимального государства»

17:28, 22 февраля 2025, Роман Шамолин

[А спектакль-то плох!](#)

Почему люди склонны безмятежно играть в чужих безыдейных постановках. И причем тут «либеральная демократия». Мнение антрополога

12:43, 22 марта 2025, Роман Шамолин